

СЕМАНТИКА ОДУШЕВЛЕННОСТИ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, ОБЪЕДИНЕННЫХ ОСНОВООБРАЗУЮЩИМ ФОРМАНТОМ -S-

Н.С. Коваленко

Аннотация. Рассматривается семантическая группировка образований на -s- в древнеанглийском языке, основанная на оценке этих слов-понятий по той роли, какую они играли в процессе деятельности человека и познании им окружающего мира. Древнеанглийские существительные s-основ представляли в древности семантическое единство, где основообразующий консонантный формант -s- выступал как словообразовательный показатель, служа маркером одушевленности в понятии древних.

Ключевые слова: древнеанглийские существительные s-основ; основообразующий консонантный формант -s-; категория одушевленности; этимологический и этнокультурный анализ; семантический признак; этнокультурная значимость.

Общеизвестно, что язык – это то, что лежит на поверхности бытия человека в культуре, поэтому и по сей день проблема взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры является одной из центральных в лингвистике. Материальная и духовная культура воплощаются в языке. Культура отражается в языке посредством особого видения мира. Языку присуща специфическая для каждого народа внутренняя форма, т.е. выражение «народного духа», его культуры. Таким образом, язык – это опосредующее звено между человеком и окружающим его миром. Несомненно и то, что языковая картина мира древних людей находит свое отражение в грамматических категориях и единицах языка, посредством анализа которых мы реконструируем древнюю культуру и мировосприятие далеких предков.

Итак, согласно точке зрения современной когнитивной науки, результаты познавательной деятельности людей фиксируются в языке, который выступает в виде своеобразной «упаковки». При этом каждый язык по-своему организует и интерпретирует данные опыта людей на основе выделения различных признаков в одном и том же объекте. В связи с этим мы полагаем, что в наиболее консервативном уровне языка – морфологическом – могли сохраниться реликты былых состояний, которые когда-то передавали специфическое значение древнеанглийских существительных s-основы.

Существительные с основой на -s в древнегерманских языках почти не представлены. Значительные фрагменты парадигмы существительных s-основ сохранились лишь в древнеанглийском языке [1.

С. 223–226]. Основы данного типа представлены очень небольшим количеством существительных только среднего рода, в основном обозначающих детенышей. В склонении на -s выделяют существительные, которые исконно относятся к данному типу основ и составляют стержень этого склонения. Таких слов немного: *lamb* «ягненок», *sealf* «теленок», *cīld* «ребенок», *ǣg* «яйцо», *speld* «лучина, факел», *brēadru* (мн. ч.) «крошки (хлебные)» [2. С. 214].

Дело в том, что перечисленные древнеанглийские существительные не случайно относились к s-основам, т.е. к одушевленному классу. Формально все они относятся к среднему роду, а фактически представляют отголоски более раннего деления существительных на одушевленные / неодушевленные, что, по-видимому, было связано со спецификой восприятия окружающего мира древними и фиксации в языке внеязыковой информации. Так, в s-основах отразилось более древнее деление существительных по признаку одушевленности / неодушевленности и маркирование их формантом -s- как более конкретной группы в семантическом плане.

Чтобы показать, что основообразующий суффикс -s- функционировал как маркер одушевленности и обозначал именно одушевленный класс существительных, был проведен их этимологический и этнокультурный анализ [3. С. 242–265].

Полученные результаты показали, что данные существительные s-основы могут быть истолкованы как имена, обозначающие активные денотаты: это либо названия живых существ (*lamb* «ягненок», *sealf* «теленок», *cīld* «ребенок», *ǣg* «яйцо»), либо слова, обозначающие реалии, тесно связанные с человеком, не мыслимые без него, или слова, имеющие важное ритуально-культурное значение (*speld* «лучина, факел», *brēadru* «хлебные крошки»). Продемонстрируем некоторые положения на примерах.

Очень интересно раскрыть суть противоречия между маркированием существительного *cīld* «ребенок» показателем одушевленного класса (формантом -s-) и последующим отнесением его к среднему роду (показатель пассивного, инертного, неодушевленного).

В древнеанглийском языке существительное *cīld* относилось к s-основе, во множественном числе имело форму *cīldru*, принадлежало к среднему роду и обозначало «ребенка, младенца». Например: *Ðæt cīld wixþ and gewurþ eft snara and eft syððan cnih* – (*the child grows, and then becomes a boy, and afterwards a young man*) – ребенок / младенец растет и становится мальчиком, а потом мужчиной; *purh cīldes hād* – (*in the state of childhood*) – в детстве, будучи ребенком [2. С. 214; 4. С. 154]. Кроме того, Дж. Босворд дает такое значение существительного *cīld*, как *puer*. В переводе с латинского это означало не только ребенка, дитя, но и мальчика, преимущественно от 7 до 16 лет, а также раба, слугу [4. С. 154; 5. С. 720].

Важно также обратить внимание на типологические параллели в индоевропейских языках. А. Преображенский указывает на такое значение *ребенка*, как «дитя, малютка, несовершеннолетний» (от младенчества до юношества). Он сопоставляет существительное *ребенок* с санскритским *árbhas*, *arbhakás*, *árbhagas* «малый, слабый, молодой» и далее с латинским *orbis* «сирота» и готским *arbaiþs* «работа» [6. С. 190]. Латинское *orbis* (м. р.) обозначает «сирота, потерявший родителей, осиротевший, лишенный» [5. С. 617]. Готское существительное *arbaiþs* (ж. р.) имеет значение «работа, тягостный труд». Х.К. Уленбек полагает, что, вероятно, готское *arbaiþs* представляет собой производное от глагола **arban*, **arbaida* – «работать» (глагол с активной семантикой). Кроме германских языков, Уленбек также сопоставляет готское *arbaiþs* с литовским *arbonas* «вол, бык (как 'рабочее' животное)»; старославянским *rabŭ*, *robŭ* «батрак, слуга, крепостной»; польским *robić* «работать»; армянским *arbaneak* «помощник, слуга» [7. С. 14]. А. Преображенский объясняет такое сопоставление тем, что, возможно, осиротелое дитя (ср. рус. *ребенокъ*, санскрит. *árbhas*, лат. *orbis*) могло быть вынуждено служить, работать в чужом доме – отсюда значения «раб, работник» [6. С. 169–170].

Таким образом, этимологический анализ существительного *cild* и его типологические параллели показывают, что как в древнеанглийском, так и в других древнегерманских, а также индоевропейских языках, оно вполне могло обладать активной семантикой.

Известно, что в языке отражается экстралингвистическая реальность, поэтому для получения более полной картины важно также рассмотреть этнокультурные, исторические и социальные сведения, чтобы выяснить, какое положение и значение имел ребенок в древней семье и обществе.

Несомненно, дети имели важное значение в древней семье как потомки и продолжение рода. О важной роли ребенка свидетельствует и то, что брак и следующее за ним рождение ребенка являлись жизненным процессом «производства самого человека», который составлял один из основных разделов (наряду с «производством средств к жизни») общего процесса «производства и воспроизводства непосредственной жизни» [8. С. 104]. Более того, многодетность, как и плодовитость женщин, исконно рассматривалась как добродетель и как божье благословение; бездетность же, безбрачие – как несчастье, как наказание божье [8. С. 101].

В то же время С.Я. Серов отмечает тот факт, что в зимние праздники, в традициях которых подчеркивается идея смерти и присутствия мертвых (в противовес весенним праздникам – дням самого яркого света, тепла, расцвета жизни), совершаются поминальные обряды и раздача еды беднякам. Бедняк, особенно нищий, был социально тождествен

мертвецу в сфере биологической. В эти же дни обрядовая пища раздавалась и детям. До женитьбы, до перехода в социальную группу самостоятельных хозяев, ребенок как член общины считался неполноценным и как бы не существовал. Семантически ребенок, как и нищий, был ближе к мертвым, чем к живым – труженикам и производителям [9. С. 48–49]. Именно этим, на наш взгляд, и можно объяснить тот факт, что существительное *cild* в древнеанглийском языке принадлежало к среднему роду. Об этом свидетельствует также и то обстоятельство, что существительное *ребенок* в индоевропейских языках, обозначая несовершеннолетнего, соотносится со значением «раб, батрак, слуга», т.е. представителями низшей социальной группы, нищими и зависимыми людьми. Это подтверждают и типологические параллели из индоевропейских языков.

Таким образом, взгляд на ребенка по индоевропейским источникам также свидетельствует об отношении к нему как к неполноценному члену древнего общества.

Однако по своей маркировке древнеанглийское существительное s-основы *cild* следует отнести к одушевленным именам, поскольку оно отражает более древний принцип объединения существительных основообразующим формантом -s-, который являлся маркером одушевленности. По формальным признакам это слово относилось к s-основе, но дальнейшее его функционирование в языке привело к тому, что ребенок не воспринимался равным взрослому человеку, что подтверждается типологическими параллелями и этнокультурными данными. Поэтому неудивительно, что данное существительное стало относиться к среднему роду (род, как известно, появился позже классов) [10. С. 146–148; 11. С. 66]. То есть на более поздних этапах развития древнего общества на s-основу наслоиилось в дальнейшем деление по родовому признаку, которое было обусловлено развитием общественных и социальных отношений. Следовательно, в оформлении древнеанглийского существительного *cild* основообразующим формантом -s- мы находим отражение мировоззрения древнего человека.

То, что язык – это зеркало мировосприятия человека, подтверждает и следующий пример. Древнеанглийское существительное *æg* обозначало «яйцо» – овальное тело, из которого вылупляются цыплята. Возможно, оно было родственно латинскому *ovum* [12. С. 160]. Латинское существительное *ovum* (ср. р.) также обозначало «яйцо». Например, *genitum ovum* – оба яйца, из которых родились дети Юпитера и Леды (в древнеримской мифологии – верховный бог, владыка богов и людей; то же, что в древнегреческой мифологии Зевс. Леда – царица Спарты): из одного – Кастор и Поллукс, из другого – Клитемнестра и Елена [5. С. 622]. Таким образом, яйцо было символом происхождения, возможно, символом тайны сотворения мира, возникновения жизни в первоначальной пустоте [13. С. 431–432].

Рассматривая типологические параллели, необходимо обратить внимание на тот факт, что А. Преображенский указывает на возможное происхождение русского существительного *яйцо* от латинского *ōvum*. Он допускает также вероятную связь с латинским *āvis* «птица» [14. С. 137], которое могло обозначать и «вещую птицу», т.е. иметь значение «предзнаменование, знамение, примета, знак». Например, *avibus bonis (secundis)* – при хороших предзнаменованиях, в добрый час; *avibus adversis или avi malā (sinistrā)* – при дурных предзнаменованиях, с плохими видами на успех [5. С. 110].

В древнеанглийском языке существительное *æg* относилось к s-основе, во множественном числе имело форму *ægri*, принадлежало к среднему роду и обозначало «яйцо» [2. С. 214; 4. С. 11–12]. Например, *Ðæt æg getâcnaþ ðone hâlgan hiht – (the egg betokens the holy hope)* – яйцо означает / предвещает святую надежду; *Sceáwa nú on ânnum æge, hû ðæt hwîte ne biþ gemenged to ðam geolcan, and biþ hwæðere ân æg – (look now on an egg, how the white is not mingled with the yolk, and yet it is one egg)* – посмотри теперь на яйцо, у него есть белок, который не смешан с желтком, и все же это одно яйцо [4. С. 11–12].

Употребление существительного *æg* в таком контексте, как в первом примере, подтверждает вероятную типологическую связь древнеанглийского *æg* с латинским *āvis* в значении «предзнаменования».

Чтобы понять, почему яйцо могло считаться в древности одушевленным, рассмотрим этнокультурные сведения и выясним, какую роль оно играло в жизнедеятельности древних людей и что собой символизировало.

Древний обычай класть в гроб умерших яйца продиктован идеей плодородия. Дело в том, что яйцо, заключающее в себе новую жизнь, представлялось древнему человеку источником мироздания, и поэтому оно широко применялось в земледельческой обрядности как символ плодородия [15. С. 70]. Важен также тот факт, что магическое значение имели те виды пищи, которые содержали в себе зародыши будущей жизни, что якобы способствовало ее постоянному возрождению (круговорот: жизнь – смерть – жизнь). По представлениям древних, именно яйцо и обладало такими свойствами [16. С. 164]. Об этом также свидетельствует типологическая параллель древнеанглийского *æg* с латинским *ōvum*, т.е. из яйца были рождены боги, а следовательно, яйцо содержало в себе зародыши будущей жизни и выступало как источник мироздания.

Магические действия, в которых яйцо использовалось как символ плодородия, совершались при начале сельскохозяйственных работ. Яйцо служило важным ритуальным символом [15. С. 80]. Кроме того, обряд катания яиц с холма являлся также способом гадания и предсказания будущего. Это еще раз подтверждается типологической связью древне-

английского *ǣg* с латинским *āvis* в значении «предзнаменования». Несомненно, дары и жертвы в виде яиц носили также магический смысл, где яйцо выступало как символ зарождения жизни [17. С. 182]. Яйцо как символ возрождения жизни было в центре многих ритуальных обычаев [16. С. 164–165].

Таким образом, на основании этимологического анализа можно сделать вывод, что древнеанглийское существительное *ǣg* сопоставлялось с активным денотатом, т.е. относилось к одушевленному классу существительных, и поэтому было маркировано основообразующим консонантным формантом *-s-*, который являлся показателем одушевленности. Это также подтверждается и этнокультурными фактами прошлого.

Известно, что язык тесно связан с мифологией, религией и другими формами познания. Из вышеизложенного видно, что рассмотренные существительные *s*-основ обозначают реалии, связанные, так или иначе, с областью культа. Язык – это результат отражения человеком окружающего мира. Он выступает в качестве зеркала, в котором отражается мировосприятие человека: языковые единицы, прежде всего слова, фиксируют содержание, которое в той или иной мере восходит к далекому прошлому, культуре, традициям, условиям жизни народа – носителю языка. Так, в грамматической категории древнеанглийского языка – склонении на *-s* – мы находим своеобразное отражение картины мира. Рассмотренные примеры показывают, что семантическая группировка образований на *-s-* в древнеанглийском языке основана на оценке этих слов-понятий по той роли, какую они играют в процессе деятельности человека и познании им окружающего мира. Конечно, не стоит забывать, что это одушевленные имена не в современном понятии, а в мышлении и сознании древних. Древнеанглийские существительные *s*-основ представляли в древности семантическое единство, где основообразующий консонантный формант *-s-* выступал как словообразовательный показатель, служа маркером одушевленности в понятии наших далеких предков.

Литература

1. Гухман М.М., Жирмунский В.М., Макаев Э.А., Ярцева В.Н. Сравнительная грамматика германских языков / отв. ред М.М. Гухман. М. : Наука, 1963. Т. 3. 455 с.
2. Wright J., Wright E.M. Old English Grammar. London : Oxford University press, 1925. 351 p.
3. Коваленко Н.С. О семантическом принципе, объединяющем древнеанглийские существительные *s*-основы // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы. Томск, 2004. Т. 2. С. 242–267.
4. Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary / ed. and enlarg. by T.N. Toller. L. : Oxford University Press, 1954. 1302 p.

5. *Дворецкий И.Х., Корольков Д.Н.* Латинско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. 950 с.
6. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1910–1914. Т. 2. 416 с.
7. *Uhlenbeck C.C.* Kurzgefasstes Etymologisches Wörterbuch der Gotischen Sprache. Amsterdam, 1896. 173 s.
8. *Токарев С.А.* Эротические обычаи // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы : исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 98–105.
9. *Серов С.Я.* Календарный праздник и его место в европейской народной культуре // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы : исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 39–54.
10. *Гухман М.М.* Историко-типологическая морфология германских языков. М. : Наука, 1977. Т. 1 : Фономорфология. Парадигматика. Категория имени. 360 с.
11. *Десницкая А.В.* Именные классификации и проблема индоевропейского склонения // Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984. С. 57–70.
12. *Skeat W.W.* A Concise Etymological Dictionary of the English Language. Oxford : Clarendon Press, 1958. 663 p.
13. *Тресиддер Д.* Словарь символов. М. : Фаир-Пресс, 2001. 448 с.
14. *Преображенский А.* Этимологический словарь русского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 3. 144 с.
15. *Покровская Л.В.* Земледельческая обрядность // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы : исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 67–90.
16. *Листова Н.М.* Пища в обрядах и обычаях // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы : исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 161–173.
17. *Рикман Э.А.* Место даров и жертв в календарной обрядности // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы : исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 173–185.

SEMANTICS OF ANIMATENESS REFLECTED IN OLD ENGLISH SUBSTANTIVES WITH THE STEM-BUILDING SUFFIX -S- Kovalenko N.S.

Summary. The article is devoted to the semantic group of Old English s-stem substantives. Old English s-stems were semantically united. The ancient consonantal formant -s- was the marker of the animated nouns on the basis of their treatment by the ancient people according to their role and place in the surrounding reality.

Key words: Old English s-stem substantives; stem-building consonantal suffix -s-; category of animateness; etymological and ethnocultural analysis; semantic feature; ethnocultural importance.